

Глава 10

Слова Цинь Ду повергли всех в гробовую тишину.

Как только он ушёл, все, словно школьники после ухода учителя, начали перешёптываться.

Цинь Чуяо расслабленно откинулся на спинку стула, закинув руку на его спинку, и улыбнулся, обнажив ряд белых зубов.

«Сейчас будет представление».

Цинь Ду, высокий и длинноногий, в несколько шагов добрался до своего кабинета, сел за стол и стал ждать, когда Лю Цзинхэн явится с повинной.

Минутная стрелка описала на циферблате полукруг. Цинь Ду, дремавший с закрытыми глазами, медленно открыл их и посмотрел на дверь.

Пусто.

Он подождал ещё немного, но Лю Цзинхэн так и не появился. Цинь Ду встал.

Подойдя к лестнице, он услышал звук трущихся колёс.

На пандусе, построенном вдоль лестницы, сидел в инвалидном кресле Лю Цзинхэн. Он, ухватившись за обода, проезжал полметра вверх, уставал, отпускал руки, и кресло съезжало на три метра вниз.

Так, полметра вверх, три метра вниз, прошло полчаса, а он всё ещё был на старте.

Цинь Ду смотрел на него сверху вниз, его пальцы в кармане брюк шевельнулись.

Наконец, он тихо спросил:

— Что, мне тебя на руках наверх отнести?

Лю Цзинхэн, скатившись к началу, тяжело вздохнул.

Услышав вопрос Цинь Ду, он на мгновение задумался и медленно протянул руки:

— Хорошо.

Сказав это, он спохватился, что он злодей-интриган, и поспешно добавил:

— Ути-пути~

Бровь Цинь Ду дёрнулась. Он долго смотрел на него, а затем холодно хмыкнул.

Он не собирался играть в эти детские игры и развернулся, чтобы уйти.

— Ты же сказал, что понесёшь меня, — внезапно донёсся сзади искренний и недоумённый голос.

Цинь Ду остановился и, слегка повернув голову, краем глаза увидел, что Лю Цзинхэн всё ещё тянет к нему руки.

— Предок ты мой! — с ужасом подбежал господин Ли и, толкая кресло Лю Цзинхэна навверх, причитал: — Ты что, шуток не понимаешь?

Лю Цзинхэн был в недоумении: «Этот мужчина сам спросил, не нужно ли его понести, он согласился, а тот взял и отказался от своих слов».

«Непонятная логика у этих богачей».

Лю Цзинхэн до сих пор не знал ни имени, ни фамилии этого мужчины. В романе семья Цинь была многочисленной, и большинство её членов были безымянными персонажами, так что у него не было ни желания, ни возможности запоминать каждого.

Но он был согласен с тем, что большинство членов семьи Цинь были такими же заносчивыми, как и Цинь Чуяо.

Господин Ли, толкая кресло Лю Цзинхэна, вошёл в кабинет вслед за Цинь Ду.

Он заботливо закрыл дверь:

— Господин Цинь, я буду за дверью, если что, зовите.

Цинь Ду сел за стол и махнул рукой, приказывая господину Ли не быть таким многословным.

Лю Цзинхэн осмотрел кабинет. Как и в большинстве романов о властных президентах, холодный и строгий интерьер воспитывал поколение за поколением холодных и мрачных властных президентов.

Оба молчали, казалось, каждый ждал, что другой заговорит первым.

Наконец, на компьютер пришёл рабочий документ. Цинь Ду, не желая больше тратить время, открыл его и, небрежно бросив взгляд на Лю Цзинхэна, сказал:

— У тебя два варианта. Либо ты в течение десяти секунд даёшь мне разумное объяснение, почему назвал меня псом, и если я тебе поверю, мы забудем об этом.

— Либо ты признаёшь, что ляпнул глупость, встаёшь на четвереньки и показываешь мне, как лают собаки.

Сказано это было абсолютно спокойным тоном.

Большинство миллениалов, как Лю Цзинхэн, были избалованными детьми, которые с рождения наследовали всё от родителей, не зная забот о пропитании. Им было наплевать на увольнение, а некоторые даже не стеснялись гадить на голову начальству.

Цинь Ду даже надеялся, что Лю Цзинхэн схватит своё кресло, разнесёт его кабинет и в гневе уйдёт, избавив его от лишних разговоров.

Лю Цзинхэн задумался.

Цинь Ду, не глядя на него, начал отсчёт:

— Десять, девять, восемь...

По мере приближения конца отсчёта, молчание Лю Цзинхэна, казалось, было лучшим ответом.

Цинь Ду досчитал до трёх и холодно хмыкнул.

Хотя семья Цинь и не обеднеет от лишнего рта, но с его появлением спокойной жизни пришёл конец.

К тому же, хоть Цинь Ду и презирал Цинь Чуяо, тот всё же был его родным племянником. И из-за Лю Цзинхэна у племянника возникли проблемы с его возлюбленным, отчего тот метался и худел на глазах. Цинь Ду даже стало его немного жаль.

«Лучше бы этот человек ушёл, и в доме воцарился бы покой».

В тишине пальцы Лю Цзинхэна шевельнулись и, коснувшись подлокотника кресла, медленно сжались.

Цинь Ду видел это, но ничего не сказал.

Однако он предусмотрительно выключил ноутбук. В нём были важные документы, которые нельзя было повредить.

— Гав... гав-гав.

В тишине кабинета раздался едва слышный собачий лай.

Цинь Ду резко поднял глаза.

— Гав-гав! — лай стал громче, и в нём, казалось, слышались нотки радости.

— Гав-ав-ав! Гав-аууу! — Лю Цзинхэн задрал голову и завыл в потолок.

Всегда спокойные и отстранённые глаза Цинь Ду широко раскрылись, в их тёмной глубине промелькнуло удивление.

Юноша перед ним не только радостно лаял, но и, словно настоящий пёсик, выжидаяще смотрел на него, умоляя поиграть.

— Ты... — кадык Цинь Ду дёрнулся.

Лю Цзинхэн подъехал на кресле к Цинь Ду, наклонил голову и потёрся макушкой о его руку.

Затем он поднял голову, положил подбородок на предплечье Цинь Ду, склонил голову набок и с нежностью посмотрел на него, а затем на маленький круглый предмет на его столе.

Цинь Ду приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать.

— Что ты делаешь? — собравшись, холодно спросил он и локтем оттолкнул лицо Лю Цзинхэна.

«Странно, ему показалось, или у этого человека вырос пушистый хвост, который вилял, как пропеллер?»

Лю Цзинхэн не сдавался. Он снова подъехал, наклонился, схватил зубами маленький предмет, поднял его и, выжидаяще глядя на Цинь Ду, двумя пушистыми лапками подтолкнул его руку.

Затем раздалось приглушённое «аууу».

Словно радостный, ласковый пёсик, который обожает своего хозяина.

Пальцы Цинь Ду резко сжались. Он отвернулся, его голос был ледяным:

— У тебя совсем нет чувства собственного достоинства?

Лю Цзинхэн, держа в зубах предмет, осторожно разжал сжатые пальцы Цинь Ду, и маленький круглый предмет упал ему на ладонь.

— Гав-аууу!

Цинь Ду медленно сжал кулак. На поверхности предмета, которого коснулись его губы, остался влажный, тёплый след.

Он резко встал и, под выжидающим взглядом Лю-пёсика-Цзинхэна, небрежно бросил предмет.

Пёсик наконец дождался своей любимой игры в апорт и бросился на кресле вперёд.

— Гав-гав!

Подняв предмет, он оглянулся, но в комнате уже не было Цинь Ду.

Лю Цзинхэн, держа в зубах предмет, ошеломлённо смотрел на пустой дверной проём. Наконец, он разжал зубы, и предмет упал ему на ладонь.

...

В пять лет маленький Лю Цзинхэн, обнимая свою любимую игрушку — потрёпанного крокодила, — сидел в проливной дождь и выжидающе смотрел вслед уходящим родителям.

Мама перед уходом, плача, гладила его по лицу и, всхлипывая, говорила:

— Цзинцзин, у мамы с папой сейчас срочные дела, мы не можем взять тебя с собой. Ты подождёшь нас здесь, хорошо?

Лю Цзинхэн долго молчал, затем медленно кивнул, его маленькая ручка всё ещё крепко сжимала мокрый рукав мамы.

Папа, стоя под зонтом у такси, нетерпеливо сказал:

— Поторопись, времени нет.

Мама осторожно отняла руку Лю Цзинхэна, вложила ему в неё маленький жёлтый зонтик с уточками, в последний раз долго посмотрела на него, а затем, отвернувшись, бросилась под дождь.

Маленький Цзинцзин смотрел, как фары такси окрашивают пелену дождя в тёплый оранжевый цвет. В окне мелькнуло размытое лицо мамы.

Машина тронулась, постепенно удаляясь, и наконец превратилась в маленькую светящуюся точку, исчезнувшую в проливном дожде.

Гром и молния осветили большую вывеску за спиной Лю Цзинхэна, на которой было написано:

□Детский дом «Цзюньсинь»□

Дождь шёл очень долго. Лю Цзинхэн, потерявший сознание от высокой температуры, не знал, сколько проспал. Когда он снова открыл глаза, перед ним было не долгожданное лицо мамы, а незнакомое, но доброе лицо мужчины средних лет.

— Дети, сегодня в нашей большой семье пополнение. Его зовут Лю Цзинхэн, ему пять лет.

— Вау! Он такой милый! Папа-директор, можно я с ним поиграю?!

— Конечно, с сегодняшнего дня вы — братья и сёстры. Но у Цзинхэна слабое здоровье, он не может сильно напрягаться, так что не шумите с ним слишком много. Можете вместе рисовать, играть в летающие шахматы.

— А в футбол с ним можно играть?

— Это... боюсь, нет.

— А в баскетбол?!

— Тоже нет. У Цзинхэна очень слабое сердечко, намного слабее, чем у других детей. Лучше играйте с ним в летающие шахматы.

— А-а-а... как жаль...

Из-за предупреждения папы-директора Лю Цзинхэн большую часть времени проводил один в углу, рисуя в альбоме иероглиф «чжэн». Говорили, что сто — это большое число. Может быть, когда он напишет сто иероглифов, мама вернётся за ним.

Увидев, как дети играют в футбол во дворе, он осторожно подошёл к ним и спросил:

— Можно мне с вами поиграть в футбол?

Дети отшатнулись от него, мотая головами, как болванчики:

— Нельзя, папа-директор сказал, что у тебя больное сердце, от футбола ты можешь умереть!

Лю Цзинхэн кивнул:

— Тогда я просто посмотрю, как вы играете, можно?

Дети переглянулись и, поколебавшись, кивнули:

— Ну, ладно.

В смутных воспоминаниях детства Лю Цзинхэна почти не было друзей.

В основном это были скромные растения в углу двора или случайно пробежавшие по крыше кошки, собаки и птицы.

Хоть они и не умели говорить, но когда Лю Цзинхэн рассказывал им о забавных происшествиях, они были самыми лучшими слушателями.

Лю Цзинхэн любил и обожал этих молчаливых друзей.

На свой десятый день рождения, задувая свечи на торте, который испёк для него папа-директор, он загадал желание:

«В следующей жизни я хочу стать пышной орхидеей или счастливым пёсиком, которого хозяин будет водить гулять по всему свету».

Цинь Чуяо с нетерпением ждал внизу, предвкушая, как его дядюшка вышвырнет Лю Цзинхэна за дверь, и тот, кубарем скатившись с лестницы, разобьётся насмерть.

«Так-так», — раздался ритмичный стук шагов на лестнице.

Цинь Чуяо потёр руки от радости.

«Началось, началось!»

Цинь Чуяо поднял глаза.

...«?»

Этот человек, окутанный чёрной аурой, с посиневшим от гнева лицом и ледяным взглядом, — это его всемогущий дядюшка... верно?

— Господин Цинь, — подбежал господин Ли.

— Машину, в компанию, — Цинь Ду, словно холодный ветер, пронёсся с лестницы к двери.

— А? — удивился господин Ли. — Но сейчас уже девять часов.

— И что? — холодно бросил Цинь Ду, глядя прямо перед собой.

Господин Ли послушно замолчал и достал телефон, чтобы позвонить водителю.

Цинь Чуяо и господин Цинь, читавший прописи, переглянулись, их лица выражали полное недоумение.

«Что это с ним?..»

<http://bllate.org/book/14550/1289026>